

М. ГОФМАН

МИНИМАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Конвейер, штампующий людей.

Принцип стандартизации в массовом производстве потребовал не только упрощения всех производственных процессов, но и упрощения человека, сведения всего объема его индивидуальной жизни до главной функции – рабочей.

«Цивилизация ставит своей задачей укрощение природы и человека».

В деловом, механизированном процессе от работника требовалось лишь точное следование инструкциям, его личностные качества не имели какого-либо значения. Приспосабливаясь психологически к выполнению элементарных операций, рабочий сам становился элементарен, прост, как машина.

В 20-е гг., когда в производстве автомобилей стал использоваться конвейер, автомашины превратились в атрибут повседневной жизни, а количество работников конвейера во всех индустриях исчислялось миллионами, начал появляться новый человеческий тип, который было принято называть «basic personality», базовая личность. Человек ассоциировался с базовой, ходовой частью автомобиля, от личности оставалась лишь ее основа, база, лишь то, что необходимо для действия. Термины, обозначающие этот упрощенный

Незаурядный в своих талантах человек представляет опасность для демократического общества и должен быть выброшен за борт. В обществе равных люди должны перестать быть личностями

*Просветитель Жан-Жак Руссо
в «Общественном Договоре»*

тип, менялись вместе с изменением технологии и усложнявшейся экономической структуры.

В 1951 г. президент Чикагского университета Эрнест Колвелл, говоря о влиянии экономики и технологии на трансформацию личности, использовал термин «одномерный человек»: «Экономическое общество, которое мы строим, принесет многие блага и в то же время уничтожит объем личности и многообразие социальных типов».

Через 10 лет социолог Герберт Маркузе назвал свою книгу о качествах Нового Человека – «One-dimensional man», человек одного измерения, заимствовав определение Эрнста Колвелла. В 1975 г. появилась работа социолога Кристофера Лаша «Minimal-self», минимальная личность.

Минимальный человек появился задолго до двадцатого века, он вырастал из самой почвы американской жизни. Его предшественниками в XVIII в. были члены протестантских сект, проповедовавших всеобщее равенство, в котором простота была высшей добродетелью. Они называли себя «plain people», простые, чистые люди, чистые перед богом в своих простых желаниях и целях, просты как Первозданный Адам. Общество равных ценило в человеке то, что делало его таким как все, неординарность, своеобразие противоречили идее зарождающейся демократии.

Как писал философ Эмерсон, «Американец ценит в человеке простоту, похужест, типич-

ность...уникальность и оригинальность абсолютно чуждые ему качества.». Философ и поэт Уолт Уитмен, также как и Эмерсон, видел в этом положительную черту американского характера и, в поэме «Листья Травы», отмечал, что в демократическом обществе, в отличие от природы, каждый человек важен сам по себе, но ему вовсе не обязательно иметь свое лицо.

США – страна индивидуализма, индивидуальной свободы, но индивид и личность не одно и то же. Личность противостоит массе и определяется качеством. Индивид – часть массы, которая определяется количеством. Индивид думает только о себе, личность ощущает себя частью огромного мира. Цель личности улучшение себя и мира, цель индивида приспособление к обстоятельствам необходимое для достижения личного успеха.

Американский индивидуализм качественно отличается от индивидуализма, как он понимается в Европе. На старом континенте он воплощается в своеобразии внутреннего мира личности, в США – в своеобразии поступков.

Индивидуальность – фундаментальное свойство природы, всего живого мира. Математик Лейбниц однажды предложил своим ученикам найти идентичные листья у растений одной и той же породы. Никто не смог этого сделать, каждый лист чем-то отличался от другого, каждый лист был уникален.

Но общество противопоставляет себя природе, цивилизация явление искусственное, она ставит своей задачей «укрощение природы и человека», укрощает те качества человека, которые мешают рациональному устройству жизни.

Врожденные, естественные качества человека входили в противоречие с логикой и рационализмом Нового Времени, века Разума, века Прогресса. Европа с ее многовековым прошлым входила в этот новый рациональный мир постепенно преодолевая старые традиции гуманистической культуры. На новом континенте идеи Прогресса воплощались быстрее, Америка не имела балласта истории, культурные традиции в ней создавались заново.

В то время как Европа еще жила идеями, идущими от эпохи Возрождения, провозгласившей личность, уникальность человека главным общественным достоянием, его высшей ценностью, Америка, не имевшая европейской истории, ее корневой культурной системы, воплощала идеи

Нового Времени, идеи Просвещения, отрицающие любое неравенство и, соответственно, ценность личности, в их наиболее чистом виде.

Французская революция 1789 г. в своих лозунгах провозгласила всеобщее равенство, подтверждала его в первые годы гильотиной, снявшей головы всем кто не хотел быть «простым гражданином», но после окончания якобинского террора страна вернулась к системе социального и экономического неравенства.

А в Соединенных Штатах демократические принципы были не только закреплены законодательством еще до Французской революции, в 1785 г., они были реализованы в процессе экономической практики свободного индивидуального предпринимательства.

Америка – страна простых людей, она создавалась, как говорил Авраам Линкольн в своей Геттисбургской речи, «простыми людьми для простых людей».

«Риторика Линкольна отражала национальную ментальность, которая предпочитает простое сложному, что неизбежно привело к торжеству плоской банальности и сделало нашу жизнь такой монотонной и механистичной» (обозреватель газеты Нью-Йорк Таймс, Джейкоби Сьюзен).

Простые люди, строившие Америку, были иммигрантами, которые отправлялись в Новый Свет, чтобы получить то, чего они были лишены в своей стране, экономическую свободу, комфортабельную жизнь, и были готовы отказаться от своего прошлого и от самих себя, были готовы упростить, сузить себя до той формы, которая требовалась для получения благ, которые Земля Обетованная предоставляла.

Вступив на американскую землю, иммигрант терял не только социальный статус, но и саму личность, сформированную культурой его родной страны. Здесь его уникальные качества, его личность утрачивали какую-либо ценность не только в глазах других, но и в его собственных, так как он стремился стать таким, как все, т.е. стать американцем.

Как писал классик американской социологии Даниел Бурстин: «...(в Америке) каждый должен быть готов стать кем-то другим. Быть готовым к любой трансформации своей личности значит стать американцем».

«Иммигранты становятся американскими бизнесменами, и во втором поколении они по-

хожи друг на друга не только в своих жизненных идеалах, они мыслят, говорят и ведут себя, как близнецы. В процессе естественного отбора иммигранты из разных стран Европы, люди разных культур, разных языков и традиций, пройдя через гигантскую мельницу, превратились в одну муку...» Американский публицист Джон Джэй Чапман.

Впечатление иммигранта из Советского Союза, журналиста Григория Рыскина: «Люди здесь какие-то плоские. Плоские, как спущенные колеса. Банальные».

Внешне американское общество чрезвычайно разнородно, оно сложилось в результате многовековой иммиграции, но множество культур, разнообразие религиозных и народных традиций прошли переплавку в котле экономики, создавшей унифицированные нормы мышления и поведения. Американский «плавильный котел» легко трансформировал сырой иммигрантский человеческий материал в продукт нужный индустрии, приспособление приносило ощутимые материальные блага и жизненный комфорт.

В Европе любой уровень адаптации не сделает иммигранта немцем, французом или итальянцем. Чтобы называть себя немцем, французом или итальянцем нужно впитать в себя многовековую культуру народа, а для этого необходим многослойный жизненный опыт начиная с момента рождения. В Америке иммигрант, освоивший основные принципы деловой жизни и правила повседневного поведения, становится американцем.

Европейская философия и искусство утверждали, что человек осознает себя через поиск индивидуального пути, через понимание и принятие факта, что он чем-то отличается от других. Определяя и отстаивая свою особость, человек должен быть готов сопротивляться прессу общественного мнения. Даже если человек в этой борьбе за свою уникальность, своеобразие, терпит поражение, он, тем не менее, ощущает себя личностью, личностью, потерпевшей поражение.

Европейская культура занималась показом развития личности, показом, как строится уникальная индивидуальность. Индивидуальность, уникальность человека была его капиталом и важнейшей составляющей динамики общественного процесса. Характерным качеством героев европейской литературы были сложность, утонченность и глубина внутренней жизни. Они мучи-

лись неразрешимыми вопросами человеческого существования, бросали вызов обществу и судьбе. Человек, выделившийся из толпы, сумевший выработать высокий интеллект, твердые нравственные критерии, эстетическое чувство, был и остается, в определенной степени, в европейском сознании, героем, моделью для подражания.

Недаром элитой европейских наций всегда считались философы, писатели, художники, они представляли высшую человеческую породу, аристократию страны, которая была предметом уважения и обожания толпы, и была для нее образцом, пускай и недостижимым.

В глазах американцев философы, писатели, художники, люди творческих профессий никогда не были выразителями возможностей личности. Творческая личность оценивается лишь в критериях бизнеса. Чем выше гонорары художника, актера, писателя, тем выше его ценность. Героем Америки всегда был человек, создающий материальные богатства. Личность же строит внутреннее богатство, богатство духа.

Отстаивая свое право на уникальность, на свое видение мира, на свои убеждения, на свои вкусы, личность находится в постоянном конфликте с другими. Эти конфликты и есть движущая сила общества. Но экономическое общество нуждается в человеке лишь как в детали общего механизма системы, в которой, для того чтобы многочисленные компоненты легко притирались друг к другу, они должны быть стандартны и взаимозаменяемы. Личность же уникальна, конфликтна, непредсказуема и мешает экономическому процессу. Яркие личности – мина замедленного действия, которая взрывается неизбежной конфронтацией.

«Европейская идеология личности, противостоящей внешним влияниям, не так уж хороша, как это может показаться на первый взгляд, – пишет автор книги «Europe in blood», – когда американец попадает в компанию европейцев, он сталкивается с непривычной и дискомфортной атмосферой, конфронтацией всех со всеми. Каждый яростно, до последней капли крови, защищает свою позицию, это война всех против всех. Каждый оттачивает свою индивидуальность, свою уникальную личность в непрекращающейся борьбе с другими. Атмосфера всеобщего антагонизма и конфронтации не может привести к конструктивному решению конкретной проблемы, для каждого победа над мнением другого важнее

делового компромисса».

В бизнесе главная цель – решение конкретных проблем в процессе конфликта деловых интересов, а они решаются компромиссом. Конфликты гасит система ритуалов, стандарты поведения вынуждают каждого действовать внутри твердо обозначенных рамок. Жизнь по правилам выработывает качество, которое так удивляет иностранцев в американцах – уверенность в себе. Принимая решения в рамках общепринятых клише, американец бессознательно следует общепринятым ритуалам и поэтому ошибок не боится. Будучи таким как все, он неуязвим, и это делает его таким уверенным в себе.

Ритуал, бессознательный автоматизм, отключает сознание и вынуждает человека делать даже то, что противоречит его личным интересам. В фильме режиссера Формана «Пролетая над гнездом кукушки» медсестра, вводя дозу транквилизатора в вену пациента, нарушающего правила «нормального поведения» и приговоренного медиками к лоботомии, ломает его сопротивление одной фразой: «Вы мешаете спать другим». Прививаемые с детства ритуалы становятся рефлекторными, человек действует и думает по заданной обществом программе, не подвергая ее критике или анализу.

Любое общество, вне зависимости от уровня цивилизованности, во все времена стремилось упорядочить стихию внутреннего мира человека, сузить его до приемлемой обществом нормы. Достоевский говорил: «Широк человек, слишком широк, я бы сузил».

«Человека приходится, ради его же пользы, либо дрессировать, либо просвещать», – писал Лев Толстой и призывал к «опрощению». В его время этот новый, упрощенный человек только начал появляться в России, но не стал еще распространенным социальным типом.

В Америке он появился намного раньше. Александр Герцен называл этот человеческий тип мещанином: «Все правильно в американском джентльмене, он всегда корректен, скромнен и бесцветен... ..но если отнять у него его дело, то вне дела ему нет никакой цены. ...увидев личные, индивидуальные качества в другом человеке, мещанин может только возмутиться их присутствием. Для мещанства все черты индивидуальности должны быть сглажены...»

Герцен видел в человеке «Дела» мещанина, чья бесцветность и безликость возникает из его миро-

воззрения, он видит только материальный мир и, растворяясь в нем, утрачивает индивидуальные черты. Тургенев, Гончаров, Чернышевский, однако, видели в материалистическом мировоззрении ту силу, которая способна встряхнуть «застойное болото русской жизни». Рахметов отправился в Северо-Американские Штаты учиться делать «Дело». Для Базарова, «Дело», оперирование лягушек, более ценно, чем вся культура мира, потому что оперирование лягушек это лепта в строительство рациональной, материалистической цивилизации, а духовной жизни не существует – это выдумка попов.

Однако отношение российского общества к этому социальному типу было противоречивым. С одной стороны, он нес идеи Прогресса, в которых Россия нуждалась, чтобы стать частью цивилизованного мира. С другой стороны, симпатий он не вызывал, так как был лишен тех качеств, которые выше всего ценились в русской культуре, искренности, спонтанной эмоциональности, яркости личностных качеств. «Новые люди», Базаров, Рахметов, Штольц как личности были бесцветны, одномерны, лишены объема.

Объемной личностью был другой характер русской литературы, Обломов. Штольц предлагает ему свою программу жизни, в которой, для того чтобы сделать Дело, нужно постоянно приобщаться к мнениям, вкусам «нужных людей». Обломов же хочет сохранить себя, сохранить свой внутренний мир, свои убеждения, свои симпатии и антипатии, вкусы и предпочтения. Обломов в новой, наступающей цивилизации Дела, «лишний человек». В советское время «обломовщина» стала понятием отрицательным, новому времени требовался человек изменяющий внешний мир.

Герои советской литературы, убежденные коммунисты, были прямыми потомками Базарова, Рахметова, Штольца, и в них явно проглядывали все те же черты. Это был новый тип русского мещанина, правда, новым в нем было лишь одно качество, агрессивность в достижении цели, во всем остальном он был выходцем из гоголевского Миргорода.

Советский чиновник в «Зависти» Юрия Олёши, «поющий в туалете», персонажи пьес Маяковского «Баня» и «Клоп», Ильфа и Петрова, Зощенко, герой «Собачьего сердца» Булгакова, все они персонифицировали новый социальный тип, первобытное, примитивное существо,

вооруженное самой передовой идеологией.

Простой человек получил статус Гегемона, хозяина жизни. Быть простым человеком стало обязательным для всех слоев населения, от рабочих до лидеров страны. В отличие от американского «минимального человека», советский мещанин не превратился ни в человека дела, ни в бесцветного, но цивилизованного индивида, он стал частью безликой толпы, «революционной массы».

«Единица? Единица – вздор, единица – ноль!», – провозглашал глашатай индустриальной революции Владимир Маяковский.

Россия, с ее традицией насилия над личностью, вечной нищетой, аморфными формами общественной жизни и презрения к нормам и ритуалам, смогла создать только «совка». Советский минимум был на несколько порядков ниже минимума, которого требовал Запад, с его огромным арсеналом экономических, организационных, психологических методов воспитания.

«Общество, используя многочисленные рычаги, мягко и незаметно создает человека готового подчиниться любому приказу, в какой бы закамуфлированной форме он бы ни подавался, в человека, которым можно управлять без внешнего давления, в человека, который бы, тем не менее, считал себя свободным, действуя так, как требует от него экономика» (Эрих Фромм).

Тот факт, что экономическое общество нивелирует и уничтожает личность, был очевиден уже в начале создания нового порядка жизни, и об этой опасности предупреждали многие.

Генри Торо, защитник прав личности на свободное творческое выражение, простодушно напомнил: «Главными продуктами общества должны быть не рабы-исполнители, а люди, эти редкие плоды, именуемые героями, святыми, поэтами и философами».

Джеймс Труслоу Адамс в своей книге «Американский эпос»: «Если мы будем рассматривать человека только как работника и потребителя, тогда придется согласиться, что чем более безжалостным будет бизнес, тем лучше. Но если мы будем видеть в каждом человеческое существо, тогда нам нужно будет вмешаться и направить бизнес таким образом, чтобы он служил расцвету человека как личности.»

Голоса Генри Торо и Адамса звучат из далекого, забытого прошлого. Экономическое, массовое общество видит в человеке прежде

всего работника, личность ему не нужна, в нем человек лишь часть массы. Воспитание личности не является его целью, из личности не получается хороший работник или покупатель ширпотреба.

Если индивид сопротивляется общепринятым нормам, стремится сохранить свою личность, свой внутренний мир и наполнить жизнь иными ценностями, нематериальными, то этим он уменьшает свои шансы на выживание, так как сопротивление рассматривается как социальная аномалия.

Жизненный успех требует приспособления, приспособления к различным обстоятельствам и к множеству людей. Необходимо проигрывать разнообразные типовые роли, установленные общественным этикетом, деловые контакты требуют гибкости, мастерства. Но это не мастерство социального хамелеона прежних времен, прятавшего за масками свое истинное существо. Это также и не мастерство актера, импровизирующего в рамках своих человеческих ресурсов.

Актер черпает материал из богатства и разнообразия своей индивидуальности. Актер – создатель образа, а человек дела, конструктор, собирающий себя из готовых образов-клише, созданных массовой культурой. В нем нет ни спонтанности чувств, ни той уникальной эмоциональной ауры, которая характеризует личность. Его внутренний мир хранилище стандартных образов, готовых для употребления, в процессе воспитания он утрачивает свое уникальное «Я», он сырая глина, которой придает форму любая внешняя сила.

«Вполне возможно, что при нашей способности приспособляться, нас можно превратить в кого угодно. Многие до сих пор помнят тот шок, который Америка испытала, узнав, что китайцы, захватив в плен наших солдат в Корее, провели с ними успешную операцию по промыванию мозгов, превратив их в коммунистов....», – писал автор книги «Europe in blood».

То, что произошло с американскими солдатами в Корее, – экстремальная ситуация, но она наглядно показала, как легко американец отказывается от своих представлений и взглядов, если они не соответствуют принципам выживания. Шок, который испытала во время Корейской войны Америка, особенно остро ощущала американская интеллигенция, ее «большое сознание». «Больная совесть» прокричала себя в произведениях искусств, предупреждающих об угрозе, которую нес в себе широко распространившийся

в обществе конформизм.

Фрэнсис Капра, Элиа Казан, Скорсезе и Сидней Льюмет в кинематографе 50-х – 60-х гг. показывали бунтарей, отстаивающих свои убеждения, борцов со всем строем жизни, готовых идти до конца, способных сопротивляться внешнему давлению, способных отстаивать свои убеждения и свою личность в экстремальных условиях.

Но в конце 70-х гг. появилась целая обойма фильмов, в которых у героев нет никаких других убеждений, кроме убеждения, что нужно жить и жить хорошо, они борются не за высокие идеи справедливого общества, а за право на личный успех, на персональный комфорт.

В фильме «Graduate» герой, Бенджамен, собирается после окончания колледжа заняться производством пластика, нового химического материала, который в будущем вытеснит традиционные материалы. Само слово пластик, т.е. гибкий, бесцветный материал, приспособляемый к любой ситуации, стал символом начала новой эры, показателем качества, необходимого для успеха, пластичности.

Этим качеством обладает герой фильма «Being There», Квинси, чье имя можно перевести как королевский, камердинер и садовник миллионера, человек с интеллектом дебила. Он шаг за шагом превращается в видную политическую фигуру, друга президента и его возможного преемника. Его ошеломляющая карьера не имеет ничего общего с его деловыми способностями. Своим взлетом он обязан умению приспособиваться к любым заданным условиям.

Мир, как его видит Квинси, понятен и прост, он владеет необходимым набором клишированных мыслей и идей, которые позволяют ему чувствовать себя уверенно в любой ситуации. Он произносит ординарные фразы, плоские, как сама повседневность, но произносит их с необычайной непосредственностью и глубоким убеждением, как внезапное открытие новой истины, как вечную мудрость, также, как дети, рассказывая анекдот с огромной бородой передают его с ощущением необычайной свежести и ослепляющей новизной открытия. В заключительной сцене фильма герой, как Христос, идет пешком по поверхности озера.

Христа называли королем Иудеи, Квинси можно назвать королем американской жизни, его банальность, посредственность, одномерность и есть королевская истина, высшая истина. По-

следняя фраза, которую произносит Квинси в фильме: «Реальность – это состояние ума». Его состояние ума полностью запрограммировано, и им можно управлять также легко, как и компьютером, при необходимости можно сменить программу. Квинси – карикатура на среднего человека с упрощенным, одномерным сознанием, мастера приспособления.

Герои фильмов Вуди Аллена живые, легко узнаваемые социальные типы, образованный средний класс, живущий в конкретных реалиях Нью-Йорка, с его улицами, кафе, сабвеем. И в то же время, персонажи выглядят как марионетки, которых какие-то мощные, полностью анонимные силы дергают за ниточки, но сама манипуляция настолько совершенна, что сами герои уверены, что они полностью свободны и независимы. Хотя фильмы Вуди Аллена принято называть комедиями, это скорее трагикомедии, трагикомедии самообмана.

Герои Вуди Аллена действуют, но действуют неосознанно, внутри принятых в их среде трафаретов, что-то чувствуют, но их чувства банальны и бесцветны, много говорят, но все их разговоры не больше, чем сотрясение воздуха претенциозными словесными клише. У них нет того, чем принято определять личность, убеждений, нет ауры внутреннего мира, человеческой уникальности. Их общение внешне чрезвычайно интенсивно, но каждый из них отдельный атом, сомнамбула, замкнутая на себе, самодостаточны, как и герой фильма Being There.

Самодостаточность принято называть словом self-reliance, опора только на себя, она возникла как реакция на условия жизни еще в период освоения Америки. В течение первых двух столетий население Нового Света добывало средства существования фермерством и скотоводством, одну ферму от другой отделяли десятки, а то и сотни миль, помощи просить было не у кого, одиначкам или отдельному семейному клану можно было надеяться только на себя.